

МНЕ ЧАСТО СНИТСЯ АНГАРА

В.Я. Заборцев

*Поле, русское поле,
Пусть я давно
Человек городской,
Запах полыни,
Вешние ливни,
Вдруг обожгут меня
Прежней тоской.*

(слова из песни)

Тоска – такое короткое и в то же время очень ёмкое слово! Ёмкое, потому что вобрало в себя самые глубинные чувства человека, чувства длительно-томительного отсутствия семейного очага, родных и близких людей, тепла и уюта родного дома, чувства нетерпимого ожидания радости встречи, если есть такая возможность.

Но и совсем уже нестерпимо больно, когда эти утраты необратимы, когда нет возврата к родному гнезду, устроенному твоими отцами и дедами, где немало вложено и твоего труда за долгие годы проживания, нет никакой возможности хоть когда-нибудь вернуться в родные края, – их просто нет.

Осталась лишь тоска. Горькая тоска.

Родился я в 1937 году, в посёлке Косой Бык, – тоже понятно, почему там. Мои предки (по отцу – заимские «Трошата», по матери – алёшкинские «Степины») были раскулачены и поселены здесь после недолгих мыканий по островам и болотам. Там был создан колхоз, который славился высокой трудовой дисциплиной, хорошими урожаями. Не бедный был колхоз. В этом колхозе добросовестно трудился мой дед, Заборцев Андрей Ксенофонович, – отличный мастер, плотник, столяр, бондарь. Пользовался авторитетом у сельчан, был избран старостой посёлка. В 1938 году моего деда, Андрея Ксенофоновича (колхозник, плотник, столяр), арестовали и расстреляли «за содействие силам сопротивления власти». Ходили слухи, что их, целую илимку кежемских (кособыцких) мужиков, затопили на устье Ангары. Жили мы там до 1944 года. В 1942 году отец, Яков Андреевич, ушёл на фронт.

Навсегда остались в моей памяти проводы отправляющихся на фронт. Катер медленно отводит от берега илимку, палуба которой битком заполнена мужчинами. Крики прощания, прощальные песни, машут кепками, руками, и женщины... женщины по пояс и по грудь в воде, плач и громкие рыдания... Наша мама с младшим на руках, которому полтора года, тоже в воде. Отец погиб в сентябре 1943 года, похоронка пришла в декабре. Лютый мороз, в избе много сочувствующих, плачущих родственников, вздрагивающие плечи и безутешное рыдание мамы. Таким мне запомнился Косой Бык.

Летом 1944 года мы перебрались в деревню Алёшкино, маму позвала родина. Долгое время она работала дояркой (пятнадцать – восемнадцать коров на доярку), позднее –

телятницей, до тех пор, пока я не перевёз её к себе в Кежму. Мне было семь-восемь лет, когда я полностью освоил работу на колхозной животноводческой ферме. Каждый вечер я бежал туда, помогая разносить сено, солому, убирать навоз, поить телят.

Всю жизнь мама прожила в моей семье, умерла на девяностом году жизни. Многому она меня научила. Даже в свои годы, работая на дачном огороде, я вспоминаю, как надо делать грядки, окучивать картошку и т.д.

Нас было трое, нелегко ей было с нами. Пенсию за погибшего отца стали выплачивать в 1947 году. Мама была единственным нашим воспитателем. Всё, что я умею и могу, – это от неё. Ей ещё раз пришлось зайти в воду, когда провожала меня, шестнадцатилетнего, в Красноярск и тоже плакала и заклинала: «Господь с тобой!», «Сохрани его, Господи!».

В одну из наших земляческих встреч я экспромтом написал:

Покаяние

Мы не помним своих отцов,
Им – вечная память, их забрала война.
Но наши матери, вдовы солдатские,
Нам отцов заменили сполна.

Они и пахали, и сеяли,
Вместе со всеми кормили страну,
Это они воспитали, взлелеяли
Послевоенную безотцовщину

Они – молодые, красивые,
Честью своей дорожа,
Верность свою сохранили до смерти,
Верность погибшим мужьям.

Они были достойны наших отцов.
Чтобы выразить всё, что они заслужили,
В языке нашем русском, богатом,
Не хватает запаса слов.

Простите нас, мамы,
Мы в долгу перед вами.
Долги матерям неисчислимы.
Мы вас мало жалели, мало любили.
Простите же нас, родимые.

В Алёшкиной я закончил начальную школу, семилетку – в Заимской. Учился хорошо. Два года пропустил, работал в колхозе: боронил, пахал, косил и убирал сено. В общем, как все.

Я бесконечно благодарен дорогим моему сердцу нашим деревням – Алёшкино и Заимка. Простым, сердечным людям, среди которых мы выросли. Невозможно забыть

быстрых светлых ангарских протоков, где видны все камешки и травинки. Не забыть горячих сыпучих песков деревни Алёшкино, где мы согрелись, посиневшие от длительного купания в этих протоках.

Простота и бескорыстие отличают наших земляков. В пятом-седьмом классах я обучался в Заимке. Жил на квартире у солдатской вдовы, у которой трое своих едоков (детей). Меня взяла четвёртым: «Проходи, Валя, живи, как дома, дом-то твоего деда Андрея». На вопрос мамы: «Чем тебе платить?» – ответила: «У нас с тобой у обоих ничего нет. Картошки и капусты хватит своей, где трое, там и четвёртый проживёт. Корова своя есть». Низко кланяюсь тебе, Афанасья Васильевна, вдова Данила Матвеевича Заборцева («Данилиха» в народе)!

Позднее в этом доме был организован интернат для приезжих школьников, там уже проживал и учился мой младший брат. В Заимке был ещё один большой дом, конфискованный у дедов наших, там размещалась колхозная контора.

Не забываю я своих корней. Я знаю, откуда я родом, и горжусь своими корнями!

В Красноярский финансово-кредитный техникум я попал совершенно неожиданно, о чём никогда и не мечтал. В детстве я мечтал быть речником, судоводителем. В родне у нас был пример многолетнего капитана катера по Ангаре и Енисею.

С документами в речное училище пришёл поздно, заканчивались приёмные экзамены. Пустил слезу – помогло. В последний экзаменационный день сдал все три экзамена (диктант, математика письменно, Конституция СССР). На третий день увидел приказ о зачислении в I штурманскую группу Радости не было предела. Но медицина была непреклонна: «непригоден» – плеврит правого легкого.

Домой возвращаться стыдно было. Всё, конец. Во всех учебных заведениях идёт учебный год. Жить негде, деньги на исходе. Но мне всегда везло на добрых людей. В Николаевке отыскал семью алёшкинских знакомых, приютили ненадолго. Зять этой семьи работал в банке и посоветовал мне идти в финансовый техникум. За руку привёл меня к директору техникума. Он посмотрел моё свидетельство за семь классов, всё – «отлично». «Возьмём – сдай экзамены. Идите к завучу, всё организуем». И снова всё сдал, «как учили». Техникум закончил в 1956 году, с отличием, что дало мне право без экзаменов поступить в институт заочно. Всесоюзный финансово-экономический институт в Москве закончил в 1963 году.

В 1956 году приступил к работе в отделении Госбанка начальником кредитного отдела в Кежме. В декабре 1957 года назначен управляющим отделения в Кежме. В 1962 году переведён управляющим Мотыгинским отделением. В 1972 году назначен управляющим Таймырской окружной конторой Госбанка, в 1976 году – заместителем управляющего Красноярской краевой конторой Госбанка, где было присвоено звание «Отличник Государственного банка СССР». С 1988 года – начальник краевого управления Промстройбанка.

С 1991 года создавал банк «Енисей» и руководил им до сентября 1998 года. Создавая региональный банк, мы ставили цель – иметь свой, независимый кредитно-расчётный центр для предприятий и предпринимателей края. Не было цели извлечения высокой прибыли и накоплений сверхприбыли. Мы не бросались в оффшорные зоны, не уводили туда капитал. Однако осуществление либеральной политики банком было нашей ошибкой, что приводило к постепенному снижению рентабельности банка. Расширение сети банка (тридцать шесть отделений) и создание материальной базы (строительство зданий) тоже отвлекало ресурсы в непрофильную область,

что постепенно снижало платёжеспособность банка, но в итоге это создавало подушку безопасности на кризисные ситуации, что, в конечном итоге, спасло банк во время кризиса 1998 года от банкротства.

Нередко общались с В.М. Зубовым. На мой вопрос: «Куда мы идём, что будет дальше?», – он ответил: «Если бы я знал, но пока всё делаем правильно, не теряй времени».

Мы быстро осваивали банковские продукты, в числе первых банков получили генеральную лицензию, а затем и золотую.

Таков мой послужной список. Банковскому делу я отдал сорок четыре года. По мере взросления и нарастания объёмов работа становилась всё интересней. Банки называют кровеносной системой экономики – это не враньё. Я принимал самое активное участие в экономической жизни районов, а затем и края. Общение с руководителями хозяйств, больших и малых, с их экономическими службами, обогащало меня знаниями и опытом жизни. Это давало мне возможность участвовать в решении непростых экономических проблем.

Самый сложный этап в моей работе выпал на годы реформирования экономики и банковской системы страны. Наряду с экономическими, техническими, кадровыми проблемами, всё проходило в острой политической борьбе, когда разрывали Советский Союз. Союзные структуры жёстко удерживали республиканские, а «чубы трещали» у нас, регионалов. Первопроходцам даже угрожали лишением свободы за развал государства.

Все наши усилия были оборваны государственным дефолтом, которого практически не было. Просто это было кому-то выгодно.

Сегодняшняя власть – в более трудных экономических условиях – учла горький опыт и ведёт разумную политику, в том числе и в отношении банковской системы страны. Бог даст, выберемся!

С родных берегов Ангары я уехал в 1962 году. Честно признаюсь, что во времена своей активной профессиональной и общественной жизни я не так часто вспоминал свою малую Родину. Заедала текучка, суета сует. Но часто по служебным делам бывал в Богучанах, Кудинске, Мотыгино. Приходилось «снимать с мели» многострадальную лесную отрасль, немало сломано копий и при финансировании ГЭС. Чем жила моя малая Родина, я хорошо знал.

Но с годами образ исчезнувших с острова деревень всё чаще и чаще всплывает в моей памяти. Нельзя забыть красоты высоких песчаных берегов, широких лугов этих островов и весёлой деревушки – всегда чистой и зелёной Алёшкино. С её высокими и светлыми домами, с сохранившимися кое-где двухэтажными амбарами и пятами, высоченными сеновалами, сплошь закрытыми дворами. Ничего не скажешь: добротнo строились ангарцы, на века.

А разве можно забыть красоту и богатство наших кормильцев – реку и остров! Столько рыжиков и брусники мне больше видеть не приходилось нигде! В детстве мы со старшей сестрой и мамой брали два коромысла вёдра, и за несколько часов приносили домой всё заполненное доверху

Нет, нам забыть этого нельзя!

Мне часто снится Ангара...

2016 г.